

Коллективная память как средство передачи общественных ценностей (на примере трансляции образа императора Константина Великого)

Одним из способов сохранения и трансляции общественных ценностей является коллективная память. Понятие «коллективная память» было введено в научный оборот французским философом и социологом М. Хальбваксом, который трактовал его как социально обусловленный элемент общественного сознания и коллективной идентичности [1, с. 8]. В своих работах он впервые обратил внимание на исследование памяти в рамках социального измерения, а не только индивидуального опыта. Развивая концепцию коллективной памяти, немецкий египтолог и историк культуры Я. Ассман применил понятие «культурная память», или «поминающая культура», которая основывается на обращении общества к прошлому [2, с. 31]. Ученый заострил внимание на том, что само обращение людей к прошлому вызвано осознанием современниками разрыва с ним. Данное утверждение стало широко использоваться другими исследователями, в частности П. Нора, который, разрабатывая концепцию «мест памяти», отметил, что возникновение этих мест вызвано ощущением разрыва с прошлым, которое и ставит задачу воплощения памяти об истории как целостном процессе [3, с. 26].

Подобный разрыв, обусловленный переходными моментами истории, актуализирует определенные исторические образы и связанные с ними общественные ценности, хранимые коллективной памятью. В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести множество примеров из истории, в том числе византийской. «Политические деятели и философы Византии не уставали повторять, что Константинополь – Новый Рим, что их страна – Романия, что они сами – ромеи, их держава – единственная

храняемая богом империя» [4, с. 38]. Однако отпечаток эллинской культуры, отличавший Византию с момента ее основания, и специфический характер, приданный ей христианством, привели к тому, что «юная столица глубоко отличалась от древней» [5, с. 4]. В связи с ощущением разрыва прошлого и настоящего коллективная память византийцев актуализировала определенные образы прошлого и связанные с ними ценности.

Для византийцев сами понятия «историческая память» и «история» были неразделимы, что приводило к мифологизации и идеализации последней. В связи с этим образы некоторых императоров, перекочевав из реального в ту сферу человеческого сознания, которую вслед за Ж. Ле Гоффом можно назвать «имагинарной» [6, с. 7], сами превратились в ценность, игравшую важную роль в формировании социальной целостности и идентичности. В византийской исторической памяти одной из подобных ключевых фигур являлся император Константин I.

Значимость его образа в сознании византийцев была обусловлена несколькими причинами. Во-первых, правление Константина Великого ознаменовалось началом «курса на синкретизм», направленного на примирение двух ценностных систем: древней, унаследованной от Античности, и новой, христианской.

Еще одной важной задачей, которую выполнял образ императора Константина в коллективной памяти, была реализация запроса на преодоление ощущения разрыва с прошлым. В сборнике историко-топографических трактатов *Patria Konstantinoupoleos* сообщается легенда о провозглашении Константина императором на том же месте, где за несколько столетий до него был коронован легендарный правитель Визант, основатель Византии [7, р. 97]. Таким образом, образы двух правителей встали в один ряд, демонстрируя непрерывную связь Античности и Византии, Старого и Нового Рима.

Фигура Константина I в исторической памяти византийцев выступала некой константой, наделенной определенными характеристиками, не требующими расшифровки. Его образ аккумулировал в себе наиболее важные в византийской государственной идеологии ценности: утверждение на государственном уровне христианства и связанное с этим подчеркивание Божественного происхождения императорской власти; унасле-

дованное с Античности представление об императоре как триумфаторе, самолично возглавляющем войска, но параллельно выступающем и как гражданский владыка. Представление о Константине Великом как об идеальном правителе прослеживалось и на уровне официальной титулатуры. В правление императора Ираклия (610–641) к имени его наследника стал прилагаться эпитет «Новый Константин», что служило указанием на воплощение в сыне василевса добродетелей идеального государя [8, с. 60].

Таким образом, фигура Константина и время его правления, породившее в коллективной памяти византийцев легенду о «золотом веке», выступали ценностями на различных уровнях. Во-первых, образ Константина в восприятии византийцев являлся ценностью сам по себе, поскольку служил средством преодоления ощущения разрыва с прошлым, «мостиком» к древней Римской империи. Во-вторых, для византийцев его фигура представлялась и мерилom ценностей, примером как идеального государя, так и добродетельного человека. Его правление было связано с началом возвышения христианства, одной из скреп византийской цивилизации, которое, однако, не привело к отходу от античных ценностей, игравших на протяжении византийской истории не меньшую роль.

Библиографические ссылки

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
2. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
3. Франция – память / под ред. П. Нора. СПб., 1999. 325 с.
4. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. 190 с.
5. Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948. 160 с.
6. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М., 2011. 220 с.
7. Accounts of Medieval Constantinople: The Patria. L., 2013. 357 p.
8. Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. 460 с.